

В.Д. Михайлов

*магистрант ГУО «Институт теологии имени святых
Мефодия и Кирилла» Белгосуниверситета*

МОРАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ В БЕЛОРУССКОЙ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Проблема свободы является фундаментальной темой философии, теологии и богословия. С ней связаны вопросы выбора и ответственности человека, морали, человеческих возможностей и системы ценностей человека. Сущность свободы в определённые эпохи и в разных обществах понималась по-разному, и на основе философской интерпретации идеи свободы строились морально-религиозные, политико-юридические, культурно-этические представления народов.

Белорусская культура и философская мысль, в сравнении с западноевропейской, всегда отличалась особым пониманием свободы и воли, человека и общества, закона и права, власти и государства, и создала собственную аксиологическую парадигму служения «общему благу». Наиболее полно эти идеи проявились в Эпоху Возрождения (XVI-XVII вв.) в трудах белорусских гуманистов Франциска Скорины, Андрея Волана, Сымона Будного, Льва Сапеги, Николая Гусовского, Михалона Литвина, Мелетия Смотрицкого и других. Названные мыслители рассматривали свободу и волю как наивысшие ценности для каждого человека. Андрей Волан стремление человека к свободе признавал врождённым свойством природы человека. Он писал: «З усіх рэчаў людскіх найпякнейшая ёсць вольнасць. Няволя ж – горшая нават за смерць» [6, 60]. Он доказывает значимость свободы многочисленными примерами из истории, когда «много

людей желало принять смерть, чем жизнь свою проводить в неволе» [6, 60]. Он утверждает, что «прагаволі пануе ва ўсёй жывой прыродзе» [6, 60] и ссылается на Овидия, который одним из первых заметил, что птицы, имея хороший корм в клетке, всё равно постоянно рвутся в лес, на волю [6, 60]. Андрей Волан уверен, что «все люди рождены вольными существами и вольны поступать так, как им подсказывает совесть» [6, 60]. Он отмечал, что «что людской натуре наиболее приличествует свобода, в соответствии с которой никто не рождается невольником» [8, 75]. Свободу он возвышал над любым богатством, говоря что «свобода в бедности возвышается над всяческой роскошью богатства...» [8, 75]. Свобода в понимании Андрея Волана есть благо не только для отдельной личности, но и для общества и государства в целом. Ссылаясь на исторические примеры афинян и римлян, он пишет, что в те времена, когда эти народы добивались для себя свободы, они имели наибольшие успехи в военном деле, в науках и ремёслах. Объясняя эти успехи в Афинах, он писал: «И никогда бы философская наука так сильно у них не расцвела, и никогда бы праведных прав школа у них не была бы открыта, если бы свобода... столицу свою там не основала» [8, 76].

Философы белорусского Возрождения однозначно осуждали рабство и советовали защищать свою волю ценой собственной жизни. Лев Сапега, известный созданием демократических законов, учил, что «во все века мудрые люди отмечали, что в каждом государстве для достойных граждан наиболее дорогой вещью является свобода. Порядочному человеку следует брезговать рабством... Именно поэтому пристойные люди не жалеют имущества и даже жизни, чтобы ... не потерять своей свободы, не допустить чужого господства над собственной волей и мыслями» [5, 216]. Философы учили, что человек

от природы свободный, самовластный и рождается для жизни в соответствии с общими законами природы. Апеллируя к истории творения мира и словам Библии о богоподобии человека, Симон Будный писал, что «человек был создан бессмертным, разумен, свят и праведен, к тому и самовластен. Таков мовлю был наш Отец и мы таковы же быти имели» [2]. А Николай Гусовский в своей «поэме» спрашивал: «Наша айчына – краіна загадкаў і дзіваў! Можа так Бог загадаў, каб усё было вольна, мо з чараўнічае моцы расьце ўсё, каб згинуць?» [1, 354]. Свобода понималась ими не как свобода «от», а как свобода «для» чего-то. Святой Афанасий Брестский нарушение свободы человека, состояние «аблаянага, апляванага, асмеянага і абвінавачанага» человека считает хуже физических издевательств [9, 470]. Мелетий Смотрицкий считает, что свобода предначертана человеку от его рождения Богом и что человек имеет право на выбор своей свободы [см. 5, 154].

Мыслители белорусского Возрождения свободу воли понимали не только в государственно-правовом аспекте, но и в морально-религиозном: как свободу души от греха, от страстей и от «привязанной ко всему земному» телесности. Франциск Скорина писал: «Калі вызваляемся ад грахоў, дык працуем на карысьць свабоды і праўды. Калі ж свабодныя ад праўды, дык працуем дзеля памнажэння грахоў» [7, 79].

Антропологические философские представления большинства гуманистов основаны на идее того, что человек грешен телом и спастись, вырваться из животного мира можно только душой. «Паводле цела мы – сыны Адама, а паводле духу – сыны Хрыста» [7, 111] – замечает Франциск Скорина, и дополняет: «мы не зможам на гэтым свеце мець спакою, калі не пазбавімся плоцкіх жаданняў. Празмернае захапленне гэтым светам адводзіць нас ад

Божай міласці» [9, 149]. Лев Сапега говорит о грехе как о «внутреннем неприятеле»: «Человек не должен допускать господства над собой и внутреннего неприятеля» [5, 216]. Сымон Будный говорит, что человек состоит из двух частей – тела, впавшего в грех, и свободной души. Он признавал человеческую личность свободной и неприкосновенной. Свобода даёт человеку возможность самоутвердиться и делает его великим. Он не признаёт божественную предопределённость и допускает наличие свободной воли [см. 5, 101]. Сымон Будный говорит, что в результате грехопадения люди потеряли все подаренные Богом добродетели, богоподобие, самовластие души и знания про Бога. «Иже заповедь Божію розрушили и от онога древа заповеданного укусили, зачिमось образ Божій утратили: се ест всяких добродетелей Божіих сутлішені и мимо тое и самовластна позбыли. Ведомость теже о Бозе малая вельми в них осталася» [2]. С этого момента человек лишился «образа и падобіа Божіего» [2] и превратился в «скота несмышленного» [2]. Но люди не лишились воли, однако их добрая воля, которую им сначала дал Бог, сменилась на злую волю. О сущности человеческой воли Сымон Будный говорит следующее: «Бо и в нас ест воля, але не Божіа воля. А поневежь мы самі для скажоного прироченья злій, ино и воля наша мусить быти злая, и Божіей противная» [2].

Дискуссии в философии вызывал вопрос о самовластии души и о человеческой воле. Признавая идею о том, что маленькие дети от рождения уже грешные, т.к. на них переходит грех прародителей Адама и Евы, белорусские мыслители делали свои оговорки и дополнения. Сымон Будный писал: «Праўда – ижь дети своих грехов не мають, але природный грех мають... Естли бы родители наши, се ест Адам и Ева пребыли вь оным образе Божіем, на который сьздани были, тобы и дети их родилися по томужь

образу, але ижь онога образа за грех свои лишени, того для и дети их не могут, разве грешным родитися» [2]. Сильвестр Косов писал, что «першародны грэх – гэта страта колішняй нявіннасці, і... схільнасць да ліхога засталася у нас і паслятаго» [6, 183].

Большое внимание белорусские мыслители уделяли исторической концепции провиденциализма, т.к. часто возникал вопрос – выбирает ли человек сам свою судьбу, в зависимости от собственной склонности к добру или злу, или человек лишь осуществляет предначертанный Богом замысел, т.е. нет никакого свободного выбора. Несмотря на её распространённость в богословии и философии, белорусские гуманисты стояли на защите позиции свободы воли. Сильвестр Косов писал: «ўсёмагутны Бог, стваральнік першага чалавека, і цяпер дае яго нашчадкам усе магчымасці выратавацца. Калі ж нехта абірае іншы шлях, дык гэта не Божы промысел, а вынік выбару вольнай волі кожнага канкрэтнага чалавека» [6, 183-184]. Лаврентий Зизаний замечал, что «самовластием человек обращается к добродетелям, якоже и злобам. Им почтен бысть исперва Адам от бога» [3, 142]. Из этого условно вытекает, что судьба в первую очередь зависит от самого человека, что человек сам является «кузнецом своего счастья». Философы доказывали, что человеку от природы даётся свободная воля, и он сам выбирает свой жизненный путь. Но если человек привязан к земным вещам, значит, он уже несвободен. Симон Будный по этому поводу пишет: «Ибо кто на кого имеет надежду, тот и есть его Бог. Например, если кто полагается на богатства, то значит, их себе на место Бога поставил» [5, 176]. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий отмечает, что ничего кроме Бога не может ограничивать человеческую власть над миром и свободу: «Для человека всё создано... И поставил Бог человека царём и властителем» [5, 361]. Он

перечисляет дары Бога человеку: это самовластие души, способность человека свободно выбирать добро или зло, и земное тело, созданное как оболочка вечной и бессмертной души [см. 5, 362-364].

Наиболее системно сущность неволи рассмотрел Андрей Волан. Он называл неволю продуктом порчи человеческой природы, отклонением от естественного свободного состояния человека. Главной причиной этого он считал дурные человеческие страсти, бедность: «Лакомство и жажда господства – плоды испорченной природы – войны между людьми породили, за которыми злая неволя, как тень за телом своим ходила. Хотя и кроме войны, несчастная бедность к этому состоянию некоторых привела... или недостойный и злостный какой-либо поступок» [8, 77]. Андрей Волан считает, что люди попадают в неволю от тех, кто одержим страстью властвования: «ибо надутый зверем, надменный, ...жестокости полный, а особенно когда узду стыда и скромности отпустит, так быстро и нагло господствовать желает, что нигде в другом месте счастья своего не предполагает, только в обременении и подневоливании многих людей» [8, 77]. Он также замечает, что злоупотребление свободой может вести к неволе: «как неумеренное использование всяких вещей обращается в проступок, так и те, которые злоупотребляют свободой, не могут уже гордиться свободой как порядочным делом, а своевольными должны быть названы. Потому что свобода есть тогда, когда никому вреда не причиняет... И если бы было такое государство, где бы каждому было вольно делать, что захочет... самых только могущественных людей распущенность бы укрепились... И только бедным и убогим неволю принесла» [8, 77].

В трактовке свободы гуманисты ограничивали свободу человека интересами «общего блага» и идеей социального

служения. С нравственно-христианских позиций они говорили, что свобода утверждается в государстве, где человек действует в соответствии с разумом, моралью, законом и правом. Лев Сапега полагает, что «люди часто следуют не разуму... В них побеждают телесные страсти и вожделения, жажда богатств. Поэтому Господь Бог с помощью светского права ограничивает и сдерживает греховные устремления многих распущенных и безудержных людей... С другой стороны, право предусматривает, чтобы достойные граждане получали соответствующую компенсацию. В этом состоит цель и миссия всех законов, существующих в мире. На этом все государства и королевства стоят, сохраняют свою целостность» [5, 215]. Лев Сапега отмечает, что «наша свобода, которую мы возносим среди других христианских народов, состоит в том, что мы имеем государя, который правит, не нарушая наших прав. Мы свободно живем в доброй славе, самостоятельно распоряжаемся личной жизнью и собственным имуществом» [5, 217]. Также и Франциск Скорина говорит, что «вчинены суть права, или закон, для людей злых, абы боячися казни, усмирили смелость свою и моци не имели иным ушкодити, и абы добрый межи злыми в поконжити могли» [7, 23]. Сымон Будный, защищая законы, говорил, что «Бог дал закон... чтобы каждый знал, что есть грех, а что хорошее дело» [5, 176]. Затем он цитирует апостола Павла: «Я не иначе узнал грех, как посредством закона» [Рим. 7:7] и «ибо законом познаётся грех» [Рим. 3:20]. А защищая власть, говорит, что «от властей получаем безопасность и спокойствие» [5, 189]. Свободе способствует и мудрый правитель государства. Идеальной личностью большинство философов признавали князя Витовта: «Княжанне Вітаўта лічаць усе летапісцы росквітам...нашага краю, і называюць той век залатым», – говорит Николай

Гусовский[1, 363]. Все гуманисты говорили о том, что истинную свободу можно достичь только в знании, в образованности. Франциск Скорина говорит, что «много доброго чинить нам премудрость» [7, 19], что «без мудрасці і без добрых парадкаў– нельга людзям паспалітым жыць на зямлі!» [7, 19]. И цитирует царя Соломона: «Як свет пераўзыходзіць ноч, так мудры– невука. Мудры мае духоўныя вочы – свой розум, а неразумны – у цемры блукае» [7, 47]. И важное место занимала категория «согласия». Франциск Скорина пишет «о згоде, с нея же все доброе всякому собранию приходит, незгода бо инаибольшие царства разрушает» [7, 24]. «Каждый хрестиянин свое имя дарование, кьпосполитого доброго размножению да уделаеть, наиболее, любовь ко всем да соблюдаеть» [7, 21] – призывает Франциск Скорина, что говорит о том, что каждый человек должен использовать полученный природой талант для умножения «общего блага».

Таким образом, специфика понимания свободы в белорусской гуманистической философской мысли заключается в неразрывной связи неограниченной духовно-моральной свободы человека с принципами добра, «общего блага», справедливости, закона и права. Белорусские гуманисты подчёркивали, что без свободы невозможно существование и развитие личности, но свобода не может означать индивидуализм и вседозволенность. Они объясняли это испорченностью человеческой природы, дуализмом свободной души и несовершенного тела. Наряду со словом «свобода» белорусские мыслители использовали понятие «воли» как свобододуши, для определения морально-религиозной стороны свободы. В этом заключается главное отличие понимания свободы от западноевропейской философии.

Літэратура.

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я.Купалы; Падрыхт. А.І. Богдан і інш. Навук. Рэд. В.А. Чамярыцкі. – Мн.: Бел. навука, 2003. – 1015 с.

2. Будны, Сымон. Катихісісь, то есть наука стародавняхрысціанская от Светого Писма для простыхъ людей языка руссого въ пытаниахъ и отказехъ събрана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.by/portalus/modules/belarus/special/katahezis/index.html>. – Дата доступа: 15.11.2014.

3. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI – начала XIX в. / Под ред. В.А. Сербента, В.М. Пузикова и П.Д. Пузикова. – Мн.: Изд. АН БССР, 1962. – 524 с.

4. Козел, А.А. Философская мысль Белоруссии: учеб. пособие / А.А. Козел. – Мн.: Амалфея, 2004. – 352 с.

5. Памятники литературы Беларуси X-XVIII веков / сост., лит. Обработ. Текста, пер. На рус. Яз.: И.В. Саверченко. – Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2013. – 464 с.

6. Саверчанка, І.В. *Aurea mediocritas*. Кніжна-пісьмовая культура Беларусі: Адраджэнне і ранняе барока / І.В. Саверчанка. – Мн.: Тэхналогія, 1998. – 319 с.

7. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Францыск Скарына; уклад., прадм., пер. на бел. мову І.В. Саверчанкі. – Мн.: Беларус. навука, 2008. – 110 с.

8. Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль Белоруссии во II половине XVI века. / С.Ф. Сокол. – Мн.: «Наука и техника», 1974. – 143 с.

9. Старажытная беларуская літаратура (XII–XVII стст.) / Уклад., прадм., камент. І.Саверчанкі. – Мн.: Кнігазбор, 2007. – 608 с.: іл.